

ИСЛАМСКОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

ШЕДОВ

Денис Викторович,

аспирант каф. теории и истории права,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» (109028, Россия, г. Москва,
Б. Трехсвятительский пер, д. 3).
E-mail: den.shedov@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема несоответствия понятий «закон» и «право» в исламской правовой мысли и современной науке. В качестве решения предлагается изучить спектр существующих в современной правовой науке подходов к пониманию и описанию указанных понятий. Кроме того, в тексте представлены некоторые примеры осмысления закона и права в исламе. Данная статья носит междисциплинарный характер осмысления права, исламской правовой культуры, шариата и фикха в аспекте исламского знания, правовой теории и правовой политики.

Ключевые слова: исламское право, шариат, фикх, сравнительное правоведение, междисциплинарность, теория права, закон, право.

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-219-232

В феврале 2010 года в эфир радиостанции «Эхо Москвы» вышел выпуск передачи «Dura Lex»¹, во время которой ведущий — заслуженный юрист России, адвокат Михаил Барщевский беседовал с Шамилем Аляутдиновым, заместителем председателя Централизованной религиозной организации Духовное управление мусульман Европейской части России (21 сентября 2014 года решением делегатов VI Съезда-Меджлиса переименована в Централизованную религиозную организацию Духовное управление мусульман Российской Федерации²), имамом Московской мемориальной мечети. Выпуск радиопередачи был посвящен сопоставлению «законов» шариата и законов Российской Федерации. У следящего за беседой слушателя могло сложиться ощущение, что ведущий и гость решительно не понимают друг друга: употребляя одно и то же слово «закон», каждый явно имел

¹ Стенограмма радиопередачи «Dura Lex» [Электронный ресурс] // Радиостанция «Эхо Москвы»: сайт. 2010. 27 февр. URL: <http://echo.msk.ru/programs/lex/659711-echo/comments.html> (Дата обращения: 17.08.2016).

² ДУМЕР переименовано в Духовное управление мусульман Российской Федерации [Электронный ресурс] // Мусульмане России: официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2014. 21 сент. URL: <http://dumrf.ru/common/event/8563> (Дата обращения: 17.08.2016)

в виду что-то свое, не соотнесенное с представлениями собеседника. В финальной реплике ведущий заключил следующее: «Я сегодня искренне пытался разобраться в том, что такое «законы шариата», как они связаны со светскими законами, что такое суд шариата и как он пересекается с судами светскими. Ну, не знаю, насколько наша беседа просветила вас. Я кое-что понял, но, честно признаюсь, до конца не разобрался».

Данный пример недопонимания светского юриста и исламского богослова не является исключительным. В силу крайне широкой семантики слова «закон» и дискурсивных различий современного правоведения и исламского знания для эффективной коммуникации между представителями указанных сфер необходимы четкое определение используемых понятий и формирование унифицированного словаря.

Проблема недопонимания между светскими юристами, правоведами и знатоками ислама приобретает особую актуальность в силу усилившихся глобализационных процессов, в том числе интенсификации миграционных потоков, а также нарастающей популярности в странах Запада, и отчасти в России, исламских финансовых инструментов, стандартов сертификации халальной (соответствующей предписаниям шариата) продукции, шариатского арбитража (шариатские суды в качестве третейских судов легально действуют в юрисдикции ряда европейских государств и в отдельных штатах США). В таких условиях недопонимание относительно вопросов права и «законов» между контрагентами приобретает значение правового и экономического риска, фактора, увеличивающего транзакционные издержки. Помимо этого, расхождения в таких понятиях, как «закон» и «право», между представителями публичной власти, учеными и лидерами общественного мнения по вопросам ислама негативно сказываются на правовой культуре общества, снижают эффективность правового регулирования, создают дополнительные сложности в повседневной жизни индивида, получающего противоречивую информацию.

Ниже представлено междисциплинарное обозрение различных контекстов употребления и сопоставление таких понятий, как «закон» и «право», в исламском и светском, в первую очередь в профессиональном и научном, дискурсах. Данное рассмотрение далеко выходит за пределы правовой теории, привлекая богословские исламские знания в целях понимания шариата и фикха.

Закон в исламе

Шариат, так же как и право, является нормативной системой, содержащий в себе правила поведения для различных ситуаций. Вместе с тем шариат не сводится к исламскому или мусульманскому праву.

По данному вопросу российский правовед Л. Р. Сюкияйнен представил довольно четкое разграничение понятий.

«В исламской традиции термин “шариат” используется для обозначения начертанного Аллахом пути, следуя по которому правоверный достигает мирского совершенства и благополучия, а после своей земной жизни может рассчитывать на божественную милость»¹. Л. Р. Сюкияйнен также отмечает, что в исламской мысли утвердилось и специальное понятие шариата — это совокупность «обращенных к людям предписаний, установленных Аллахом и переданных Им через своего Посланника — пророка Мухаммада»². Указанные предписания условно можно разделить на три группы: те, которые касаются отношений личности с Богом (религиозная догматика); те, которые формируют нормы отношения личности к себе и окружающим (исламская этика); и те, которые регламентируют внешнее поведение человека. Последнюю группу предписаний также именуют фикхом. Понятие фикха используется и в другом значении: «он является особой областью исламского знания, которая изучает нормативные предписания шариата»³.

Таким образом, мы имеем универсальную нормативную систему, именуемую шариатом; группу нормативных предписаний, регулирующих внешнее поведение мусульманина, а также область знания, изучающую указанные нормы — фикх. Но данные понятия не тождественны исламскому праву, по крайней мере в трактовке Л. Р. Сюкияйнена. Ученый подчеркивает, что «в российском сравнительном правоведении исламское (мусульманское) право, по сути, подменяется упрощенно трактуемым фикхом, который при этом без всяких оснований называется шариатом»⁴. Для определения исламского права Л. Р. Сюкияйнен прибегает к дихотомии права «по содержанию» и «по форме»: к первой группе отнесены те выводы фикха (нормы и принципы), которые «отвечают правовым критериям», а ко второй — получившие «законченную форму позитивных правовых велений в результате придания им государством официального статуса, властного санкционирования в том или ином виде — например, применения их судом либо закрепления в законодательстве»⁵.

Подобная классификация представляется стройным упорядочиванием «из вне», осмыслением феномена ученым, явно принадлежащим к европейской научной традиции. Представленная точка зрения сама по себе является одним из подходов к пониманию исламского права

---

¹ Сюкияйнен Л. Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2007. Вып. 1. С. 98.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

в современной научной мысли, но об этом речь пойдет далее. Для решения интересующего нас вопроса данное разграничение понятий полезно тем, что оно наглядно демонстрирует сложность рассматриваемого нами феномена — законов шариата и исламского права.

Любопытно, что в аутентичной исламской мысли есть мнение, в соответствии с которым, законами являются лишь веления Господа, выраженные в Коране и Сунне Пророка, иными словами — в источниках шариата. Л. Р. Сюкияйнен об этом пишет так: «В настоящее время принятая в Саудовской Аравии официальная концепция правотворчества исходит из того, что истинным законодателем является один Аллах, воля которого выражена в шариате (то есть в Коране и Сунне Пророка), а государство осуществляет нормотворческие полномочия лишь в его рамках. Поэтому действующие в стране правовые акты именуется низамами, то есть регламентами, а принимающие их государственные органы рассматриваются в качестве регламентарной власти»¹.

Данное мнение следует учитывать в качестве возможного варианта понимания мусульманами права и закона, а также в качестве коннотации, которую могут вызывать указанные понятия. Не следует упускать из внимания то обстоятельство, что исламская мысль за долгие годы своего развития выработала собственные понятия и категории, которые не всегда точно совпадают с категориями европейской, или, точнее, западной мысли. Такие понятия, как закон и право, не имеют столь важного значения в исламской правовой доктрине. Куда более важными являются уже названные категории шариата и фикха. Вообще шариат, источниками которого являются Коран и Сунна Пророка, занимает центральное место в исламской правовой системе — в теории ничто не может противоречить шариату. Но данное утверждение не означает того, что помимо шариата ислам не признает иных нормативных систем. Л. Р. Сюкияйнен утверждает, что история не знает примеров, чтобы где-то когда-либо в качестве социального регулятора действовал исключительно шариат². Наряду с шариатом в мусульманских сообществах постоянно действовали нормативные акты, издаваемые государством, которые не всегда буквально соответствовали кораническим предписаниям; нормативные системы иных конфессий, регулирующие вопросы личного статуса немусульман, правовые нормы зарубежных стран, местные обычаи и т. д. Важным критерием для указанных регулятивных систем с позиций ислама является их непротиворечие шариату.

¹ Сюкияйнен Л. Р. Шариат — основа власти, правовой системы и политики государства // Азия и Африка сегодня. Специальный выпуск «Саудовская Аравия». М., 2012. С. 14.

² Сюкияйнен Л. Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право, журнал НИУ ВШЭ. 2008. № 2. С. 97–109.

Резюмируя, отметим, что в исламской мысли не выработаны точные эквиваленты понятиям «закон» и «право» в их западном значении. Вместе с тем, в сфере нормативного регулирования центральное место занимает шариат, который воплощает собой волю Всевышнего и может восприниматься мусульманами в качестве единственного закона. Но это отнюдь не означает, что ислам не признает иных нормативных систем и регуляторных норм. Важным критерием является их непротиворечие шариату. Ниже будет представлено рассмотрение некоторых подходов, в рамках которых ученые описывают шариат, фикх и исламское право.

Исламское право и законы шариата на языке правовой науки

Одним из первых вопросов относительно исламского права у нас возникает следующий: что такое «исламское» и что такое «право»?

В целях анализа «правового» компонента исламского права следует отметить множественность подходов к правопониманию, бытующих в современной науке. Наиболее значимые из них: формальный подход — акцентирующий внимание на соответствии нормы внешнему критерию (позитивизм в таких вариантах, как юридический, социологический позитивизм и психологическая теория права Л. И. Петражицкого¹); содержательный подход — концентрирующий на внутренней логике и значении нормы (либертарная концепция права², теория естественного права³) и социологический подход — рассматривающий право как социальную практику (американская и северная школы правового реализма, правовой плюрализм⁴). Так как исламская правовая культура и исламское право логически связаны с религией и правом, что находит свое выражение и в лексической форме, то особо важным является вопрос взаимосвязи религиозного и правового компонентов.

Относительно формального и социологического подходов отметим следующее. Определяя право, как комплекс императивно-атрибутивных переживаний, в соответствии со взглядами Л. И. Петражицкого, исламское право и исламскую правовую культуру можно будет выделить лишь по принципу идентификации субъекта в качестве му-

---

¹ См.: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000.

² См.: *Боуз Д.* Либертарианство: История, принципы, политика. Челябинск: Социум, Cato Institute, 2004.

³ См.: *Четвернин В. А.* Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988.

⁴ См.: *Benda-Beckmann F.* Who is Afraid of Legal Pluralism? / *Journal of Legal Pluralism*. 2002. № 47. P. 37–83.

сульманина. Основное внимание при этом сосредоточено на эффектах и системе восприятия личности.

При использовании подхода правового плюрализма — так называемой концепции права эпохи постмодерна, отказавшейся от ограничения права тесной связью с государством и обратившейся в первую очередь к изучению социальных практик, основным критерием выявления «правового» выступают те нормы и правила, которые реализуются в повседневной жизни людей. Подобная методология эффективно используется исследователями для изучения нормативной сферы мусульманских иммигрантских сообществ, этнических и конфессиональных групп в странах с преобладающим немусульманским населением — изучение полуавтономных социальных полей.

В рамках юридического позитивизма исламским правом обозначается комплекс нормативных правовых актов, изданных государством, маркируемым как исламское (критерии: преобладание мусульманского населения и участие государства в таких международных организациях, как Организация исламского сотрудничества).

Относительно содержательных подходов к пониманию права заметим, что в рамках либертарной теории права в институциональном варианте абсолютно не важна природа нормы, в связи с чем исследование соотношения религиозного и правового начала в исламской системе социального регулирования не имеет особого значения.

Единственным, на наш взгляд, подходом к пониманию права, в рамках которого существуют условия для исследования религиозного и юридического характера исламского права культуры является цивилизационный подход¹, рассматривающий право как одно из проявлений культуры, исторически и социально детерминированное проявление. Подобный подход в основном используется при сравнительно-правовых исследованиях и исследованиях специфики нормативного регулирования отдельных социальных групп и регионов. Одним из adeптов данного подхода является Л.Р. Сюкияйнен, который выдвигает тезис о том, что культуры могут быть, а могут и не быть правовыми — все зависит от преобладания той или иной социально-нормативной системы.

В качестве обоснования юридической природы исламского права Л.Р. Сюкияйнен, как это было показано выше, разграничивает шариат, фикх и исламское право в той сфере, где нормы социального регулирования, содержащиеся в шариате или выработанные в ходе развития исламской правовой доктрины — фикха, принимают содержательно-правовой характер (отвечают принципу формального равенства). Сами мусульманские ученые разграничивают религиозное

---

¹ См. Крашенинникова Н.А. Цивилизационный подход к изучению истории государства и права // Методологические проблемы правоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

и правовое в сфере социального регулирования в соответствии с характером санкций (выражаются ли они в божественном воздаянии или в применении карательных мер со стороны мирской власти, что связано с источником, в котором закреплена конкретная санкция). Отметим, что различие религиозного и правового в исламском праве характерно для европейской науки и неактуально для мусульманских мыслителей.

Относительно вопроса о том, что такое «исламское» в исламском праве, частично мы ответили, упомянув о двоякой оценке государств в качестве исламских (преобладание мусульманского населения или членство в международных исламских организациях). Вместе с тем обратим внимание на любопытное терминологическое смешение понятий «мусульманское» и «исламское» право. В работах некоторых исследователей можно встретить абсолютно синонимичное использование данных словосочетаний. Л. Р. Сюкияйнен, в свою очередь, отмечает некоторое различие указанных понятий. Так, «исламское право» ученый связывает непосредственно с исламом как религиозно-этической системой социального регулирования, в то время как «мусульманское право» акцентирует внимание на мусульманах, как субъектах социальных отношений, которые в своих практиках помимо норм шариата и фикха руководствуются локальными обычаями, семейными традициями, образцами поведения смежных культур¹.

Представленное выше краткое рассмотрение возможных проблем, открывающихся правовой науке в одном только словосочетании «исламское право», красноречиво иллюстрирует сложность и многогранность интересующего нас предмета. Ниже будут подробнее рассмотрены некоторые подходы к осмыслению исламского права.

Сравнительно-правовой подход

Исламское право традиционно рассматривается правоведами в качестве обособленной правовой семьи. Так, классик сравнительного правоведения французский ученый прошлого столетия Рене Давид определяет исламское право как составную часть религии². При этом основными чертами исламского права, по мнению французского компаративиста, являются следующие. Широкое применение и детальная проработка рациональных способов толкования (в частности, речь идет о практике иджтихада — вынесения правового предписания на основе рационального осмысления норм шари-

¹ Сюкияйнен Л. Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал. С. 196.

² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 308.

ата). В этой связи Р. Давид пишет что «[и]сламские юристы разработали мусульманское право, стремясь обосновать решения, вытекающие из Корана или Сунны. Но они не смогли избежать абстрактного восприятия феномена права. Впрочем, их задача состояла не в создании теории позитивного права, а в систематизации интеллектуальных методов легитимации (на основе исламской религии, практики, более или менее сознательно применявшейся), поисков таких решений новых ситуаций, которые не противоречили бы общим принципам, содержащимся или вытекающим из первоисточников — Корана и Сунны»¹. Помимо иджтихада, Р. Давид указывает на такие пути развития исламского права, как райа (суждение), иджма (единогласное мнение), кийас (суждение по аналогии). В качестве противоположного иджтихаду явления, определяющего специфику исламского права, Рене Давид указывает на таклид (следование традиции, неизменность).

Немецкие исследователи в сфере сравнительного права К. Цвайгерт и Х. Кётц отмечают, что исламское право основывается на божественной воле и в меньшей степени опирается на мирское законодательство. Отсюда ученые выводят то, что исламское право неизменно, как неизменна божественная воля. В отличие от западного социума, в котором право «создается» обществом и государством, в исламском обществе население и государство подчинены праву.

«Правда, исламская юриспруденция признает, что право, открывшееся людям в результате божественного откровения, не было изначально заключено в ясную для понимания и отточенную форму, и потому потребовалась многовековая работа исламских юристов, прежде чем им удалось постичь всю глубину содержания признанных правовых источников и подготовить их для практического применения»². Таким образом, исламское право существует в своем совершенном и законченном виде онтологически, задача юристов просто найти ключ к его пониманию, донести до общества истинный смысл божественной воли. Отсюда вытекает и соответствующий взгляд на специфику исламского права.

Современный французский ученый Раймон Леже выделяет в качестве «великих» правовых систем современности системы немецкого, французского и английского права, в то время как прочие он определяет в качестве производных от уже названных систем, их комбинациями, или же вовсе не считает их правовыми. Р. Леже представляет следующее определение исламского (мусульманского) права: «Мусульманское право является одной из крупнейших систем влияния, но совершенно в другом значении, если сравнивать его с английским,

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 312.

² Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. I. Основы. М.: Междунар. отношения, 2000.

немецким и французским правом. В отличие от них, оно не является позитивным правом одной большой страны. Оно также не должно рассматриваться по примеру римского права, в качестве системы, обладающей исключительно исторической ценностью: будучи неотъемлемой частью мусульманской религии, оно всегда применялось в большинстве стран исламской цивилизации Африки и Азии, т. е. в странах с населением в миллиард человек»¹.

Р. Леже, на наш взгляд, весьма точно отметил положение исламского права: не действующее на практике в своем эталонном идеальном виде, но и не являющееся архаизмом или «экспонатом» музея достижений человеческого интеллекта. Исламское право — что-то среднее, феномен, опосредованно оказывающий огромное влияние на развитие системы социального регулирования в регионе и формирующий правовую культуру далеко за пределами данного региона.

По мнению французского компаративиста, важнейшими свойствами традиционного исламского права² выступают казуистичность норм, значимое положение судей в системе правообразования и реализации права, специфика деления наказаний в уголовном праве (в соответствии с тем, нарушает ли противоправное действие «права» лица или «права» Господа, а также в соответствии с характером санкции) и определяющее значение личного статуса в гражданско-правовых отношениях.

Рассмотрев точки зрения наиболее авторитетных специалистов в области сравнительного правоведения относительно исламского права, можем заключить, что в компаративистике принято указывать на тесную связь исламского права с религией, отмечать статичность исламского права, его косность. В то же время среди современного поколения исследователей (например, Р. Леже и др.) уже не так явно наблюдается тенденция к упрощению при описании феномена исламского права. Исламское право все чаще представляется сложным образованием, не сводимым исключительно к законам шариата и иджтихаду.

Особое мнение

В данном подразделе представлена точка зрения без отнесения ее к какому-либо конкретному направлению в исследовании исламского права и без региональной локализации. Это просто взгляд на специфику исламского права, который, в силу его распространенности, мы

---

¹ Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2011.

² Там же. С. 252.

посчитали необходимым рассмотреть отдельно. Отметим, что ниже приведены слова ученого из прошлого, но данная точка зрения периодически актуализируется в современном научном и публичном дискурсе.

Советский историк И. П. Петрушевский в завершение характеристики исламского права в первые века существования пишет следующее. «В мусульманских странах, поскольку здесь право строилось на религиозных принципах, считавшихся вечными и неизменными, факихи стремились к тому, чтобы в право не вносилось никаких изменений и чтобы законодательство возможно ближе подходило к идеалу теократии. Но так как экономика, производственные отношения и культура вопреки желаниям факихов не могли оставаться неизменными, то мусульманское право все более и более отставало от жизни и после XII–XIII вв. окончательно превратилось в застывшую и оторванную от живой исторической действительности систему»¹.

Даже если отбросить весь флёр советской обличительной установки на выявление классовых врагов и негативной роли религии, представленная точка зрения кажется более чем схематичной и не соответствующей действительности. Не только мусульманская социально-регуляторная практика, но и исламское право как идея получают постоянное развитие. Путиями подобного развития, могут являться деятельность юристов-факихов (мусульманских правоведов и знатоков ислама, которые дают авторитетные заключения по тем или иным вопросам — фетвы), судебная практика, проведение государственной воли, рецепция права и правовая трансплантация институтов, ведение трансграничной экономической деятельности многими представителями мусульманского мира и пр.

Исламский треугольник: изменения во взаимосвязях шариата, государственного права и местных обычаев

Ниже представлена еще одна любопытная точка зрения на феномен исламского права и его положение в условиях современного социума. Указанное понимание исламской правовой культуры базируется на так называемом подходе правового плюрализма. Стоит отметить, что в данном разделе скорее речь будет идти не об исламском праве, а о мусульманском, так как основной фокус направлен именно на социальную практику мусульманских меньшинств в Западной Европе².

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках: курс лекций. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. С. 147.

² Buskens L. An Islamic Triangle Changing Relationships between Sharia, State Law, and Local Customs // Isim Newsletter. June 2000. № 5. P. 8.

В связи с повсеместным увеличением миграционной активности населения вопрос изучения смежных культур, социальных укладов, традиций, обычаев, а также правовых принципов стал весьма актуальным. В исторически христианских странах Европы и Северной Америки в настоящее время проживают миллионы мусульман, что обуславливает интерес к изучению ислама как такового и, в частности, исламского права.

Исламское право, как мы уже отмечали, не сводится к шариату и не подменяется им, это живой социальный феномен, который тесно взаимодействует с государственным правом той или иной страны, с местными обычаями и порядками адаптирующего ислам общества. В результате взаимосвязанного развития трех вышеперечисленных элементов мы получаем «исламский треугольник», который во многом обуславливает поведение людей, формирует правовое сознание, является важным фактором развития правовой культуры.

Для адаптации фундаментальных положений ислама к условиям динамично меняющихся социальных реалий, к появляющимся и отмирающим практикам, технологическим трансформациям мусульманскими учеными-улемами был изыскан способ рационального толкования норм шариата. Данный способ имеет важное значение для развития исламского права. По сути, с помощью аналогий, фикций и иных логических конструкций исламское право приобрело необходимую способность к развитию и обновлению. В свое время разработчики Германского гражданского уложения намеренно заложили в его текст несколько принципиально неопределенных зон — так называемые «каучуковые нормы», которые обладают высоким потенциалом для свободной интерпретации правоприменителя. Речь идет о таких понятиях, как «добрая воля», «надлежащее усмотрение» и тому подобное. Исламская правовая мысль справлялась иными способами с проблемой обеспечения устойчивости регулирования неустойчивых, а точнее подвижных, социальных отношений.

Помимо развития методов рационального толкования исламские правоведы по достоинству оценили полезный потенциал еще одного способа развития системы социального регулирования — привлечение существующих социальных практик, а именно обычаев и традиций тех народов, которые принимали ислам. Будучи действительно мировой религией, ислам имеет колоссальную территорию распространения. Немыслимые пространства исламского мира населяли и населяют множество народов и обществ, которые имеют собственные, подчас уникальные, модели регулирования общественных отношений. Было бы глупо оставлять такой ресурс без внимания, а тем более табуировать его. Ислам активно использует обычную практику для обновления, укрепления и развития регуляторного значения, а также эффективно ассимилирует различные местные обычаи, придавая им внешне «мусульманский» вид и отсекая наиболее противоречивые части.

Указанная живость и подвижность ислама как системы социальных норм может быть проиллюстрирована историческими примерами времен колониальной экспансии западных стран, а также трансформацией системы источников исламского права в XIX веке¹. В настоящее время активные процессы взаимодействия традиций ислама и либеральных ценностей можно наблюдать в странах Западной Европы и Северной Америки. Если эмигранты первого поколения в 70-х и 80-х годах прошлого века не являлись социально активной частью населения, то их дети, будучи полноправными членами западного общества, выросшие в соответствующих условиях, знакомые с культурными стандартами страны пребывания, но при этом не утратившие связь с исламской культурой, которая культивируется на уровне семьи, диаспоры, плотно вовлечены в социальную жизнь. Указанные группы людей представляют особый интерес для изучения, ибо они являются своего рода катализаторами трансформационных явлений, протекающих в исламе и западном обществе.

Стоит отметить, что «западные мусульмане» не являются монолитной общностью. Религиозная идентичность не всегда выступает в качестве определяющей. Важное значение в качестве детерминанты поведения личности имеет этнокультурная, национальная принадлежность к некоему сообществу. Указанная принадлежность обеспечивается поддержкой диаспор. Таким образом, некоторые ученые отмечают, что в условиях постмодерна исламское право обладает высокой степенью вариативности правового регулирования. Образ треугольника, предложенный голландским исследователем Леоном Бускенсом² для описания современного состояния исламского права, представляется весьма удачным. Положения Корана и Сунны Пророка адаптируются к условиям меняющегося общества относительно средств рациональных способов толкования, взаимодействия с местными обычаями и традициями, а также государственного права.

Выше представлено весьма краткое междисциплинарное обзрение дискурсивных различий в понимании закона, права и исламского

---

¹ До второй половины XIX столетия основным источником исламского права выступала доктрина — сборники трудов мусульманских знатоков фикха. С появлением Маджаллы (кодификации исламских норм, проведенной во второй половине XIX в. в Османской империи), ставшей первой официальной кодификацией фикха, в исламской правовой культуре произошел перелом. Отныне роль формального источника права в большинстве мусульманских государств выполняет нормативный правовой акт. В данной связи государство получило контроль над процессом правотворчества. Теперь фактически именно государство определяет то, что является законом. В результате указанных перемен актуальность приобрел вопрос относительно того, насколько сильно изменение формы выражения правовых норм и соотношения права и государства повлияли на исламскую правовую культуру? Имеем ли мы в настоящее время качественно новый тип правовой культуры? Однозначные ответы на поставленные вопросы дать крайне трудно. Скорее всего, исламское право до официальной кодификации фикха и после — это две разнящиеся даже на теоретическом концептуальном уровне системы. Тем не менее они генетически связаны между собой.

² Леон Бускенс (Leon Buskens) является преподавателем кафедры Исламского права и культуры факультета права Утрехтского университета.

права в современной науке и исламской правовой мысли. Указанные различия при четком определении и установлении единой системы понятий не являются непреодолимым препятствием для установления эффективной коммуникации между представителями из данных областей знания. Описанный в начале статьи диалог российского юриста и исламского богослова мог бы состояться и пройти с большей пользой для обоих, если бы они изначально договорились о том, что понимать под словами «закон» и «право».

Литература

Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / пер. с англ. Челябинск: Социум; Sato Institute, 2004. 392 с.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 1999. 308 с.

Крашенинникова Н.А. Цивилизационный подход к изучению истории государства и права // Методологические проблемы правоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 176 с.

Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с фр. М.: Волтерс Клувер, 2011. 246 с.

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Серия: «Мир культуры, истории и философии». СПб.: Лань, 2000. 607 с.

Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках: курс лекций. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. 398 с.

Сюкияйнен Л.Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2007. Вып. 1. 2007. С. 97–106.

Сюкияйнен Л.Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право, журнал НИУ ВШЭ. 2008. № 2. С. 97–109.

Сюкияйнен Л.Р. Шариат — основа власти, правовой системы и политики государства // Азия и Африка сегодня. Специальный выпуск «Саудовская Аравия». М., 2012. С. 14.

Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. I. Основы / пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000. 447 с.

Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988. 144 с.

Benda-Beckmann F. Who is Afraid of Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 2002. № 47. P. 37–83.

Buskens L. An Islamic Triangle Changing Relationships between Sharia, State Law, and Local Customs // Isim Newsletter, 2000. № 5. P. 8.

History, content and actual problematics of Islam's internal legal norms

ISLAMIC LAW IN THE CONTEMPORARY SCIENTIFIC DISCOURSE

Denis V. SHEDOV,

PhD student of the Department of Theory and History of Law, National Research University "Higher School of Economics". (3, B. Trehsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation).
E-mail: den.shedov@gmail.com

Annotation. This article deals with the problem of a discrepancy between the law and rights as the concepts of Islamic legal thought and modern science. A proposed solution suggested by the author is to examine the approaches towards these concepts existing in the modern legal science. In addition, this work provides a number of examples of the law and rights' interpretation in Islam. This article is an interdisciplinary study of rights, Islamic legal culture, Sharia and Fiqh through the prism of Islamic knowledge, legal theory and legal policy.

Keywords: Islamic law, Sharia, Fiqh, interdisciplinary, comparative law, legal theory, law, rights.

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-219-232

